

Родилась в 1990 году в Липецке, окончила 11 классов в МОУСОШ с. Донское, после поступила в ЕГБУ г. Ельца на факультет литературоведения.

Объездила автостопом всю страну и даже сейчас не имею постоянного адреса.

Пишу стихи с 15 лет, но очень долго относилась к ним, как к терапии, которую мне посоветовал психиатр; активно выкладывать в интернет начала только три года назад.

Пишу немного прозу на двоякие околосексуальные темы.

Не состою ни в одном поэт-сообществе или клубе, не участвовала ни в каких поэтических конкурсах и никогда ничем не была награждена в этой сфере — предпочитаю быть отшельником в поэтическом мире.

И на этом, пожалуй все, что следует обо мне знать.

мне подарили эмоцию,
дали попользоваться, напрокат, немножечко поносить,
но не выдали к ней инструкции,
не дали на нее сил.
поэтому я надеваю ее по праздникам, чтобы меня не разрушила
эйфория, чтобы не прогорел мой бикфордов шнур,
не превратилась дабы моя реальность
в комнату надгробий и восковых фигур.
мне при рождении отвели нишу, отмерили место,
назначили время казни,
а потом показали, что такое жизнь — в полный рост,
и дали понять, что нет ничего прекрасней,
я вышла за метки, нарушила целостность кадра, надрывным кри-
ком разрушила тишину
и пошла гулять по мягкому тонкому льду.
я не помню точно, в каком это было году.

и всегда находились судьи, но кто они — я не могу ответить,
мне нужно было держать равновесие, сосредотачиваться,
чтобы не рухнуть вниз,
часто казалось, что только эта эмоция и существует на свете,
что только ради нее стоит затевать эту прилюдную экзекуцию,
этот больной и шальной стриптиз.

что вы знаете об истории канатоходца? — я знаю об этом все,
трудно быть тем, кто, искупив, сорвется,
но пока держит баланс — спасен,
когда весь твой мир определен не границами, а только лишь лини-
ей и она под тобой горит — когда у тебя самого совершенно нет
середины, то есть ты весь — навыворот и навзрыд, то есть ты весь -
огнеопасен, сух и трескуч,
и непонятно, что из тебя сочится — свет или тонкий луч,
и непонятно, что же тебя добьет — ты хрупок
и чертовски, чертовски живуч.

а мне дали эмоцию — на, деточка, вот, примерь,
именно она тебя вытащит из болота теней и потерь,
именно она тебя выведет,
именно она тебя и погубит.

а судьи мои всегда — внизу стоящие люди.
и как они могут судить волшебство,
даже когда уже снов не видят
о чуде?

"да ты права - "The Wall" - про любовь."

даже смерть — она на самом-то деле вся про любовь.
а жизнь из любви так и вовсе слеплена, как из воска
куколка,
что наклеена на полоску
и распята
на глади стола блестящего,
стол с одной дверцей и выдвижным ящиком,
в ящике сложены три иголки для пулевых ранений,
эту историю, так, будто бы она нова —
расскажет только что настоящий гений,
но я вот не гений.
совсем не гений.

у меня всегда целый ворох разноцветных смешных сомнений,
целый полк нелепых грамматических повторений,
и когда я пытаюсь играть с вами в слова и созвучия —
где-то, в самой моей излучине,
где-то, в квартире, где мне показывали, как обожают друг друга все
эти черти с ангелами,
где-то там, где мы сломались
и где мы падали,
где-то там на блестящей глади стола
кто-то твёрдой своей рукою
пронзает куколку восковую,
да так, что я громко в подушку вою.
где-то там, где в проклятом городе, на проклятой улице, в прокля-
той той зиме,
меня извлекают извне,
меня сочиняют на той самой кровати,
где кто-то когда-то спятил.

меня собирают из чужих мнений, из каких-то больших понятий.
нет никаких теорий и никаких объятий —
а только "The Wall" по кругу и ты,
распятый,
разорванный, расщепленный, разобранный,
раскровленный,
вырванный из утробы, ты
настоящий,
ты — из мяса, костей и тканей.
там, где нас когда-то окончательно потеряли.

уже год никто не слышит, как я разговариваю со стенами,
никто не измеряет моими стенами свою разваленную Вселенную,
я подсовываю им чужие слова, признавая, что они лучших моих на
голову,
я уже больше года показываю им, к чему они еще по-настоящему
не готовы, и
жду уколов в свою сплошную, неразделимую,
в куклу Вуду,
что не разорвать, не отнять ни частицу, ни половину ли.
я смотрю,
я учусь не смирению, а безразличию —
больше не меняю ни адреса, ни обличия,
я
растянута на блестящем столе,
жду опаздывающего врача,
жду укола, жду забытья, жду звонка или сообщения,
жду чего-то, что исторгнет меня из этого душного помещения.
свет больше не слепит, темнота ни капельки не страшит,
если плакать — то только всегда навзрыд,
если кричать — то до хрипов, до крови из глотки, сплевывая связ-
ки, кусками отхаркивая имена.

да.
The Wall — про любовь.

потому что любовь — Стена.

ПЬЯНОЕ

здравствуй, мама.
из меня выросла плохая плохая плохая дочь.
я умею много того, о чем ты говорила — никогда не притрагиваться
и не дружить с людьми, которые делают так.
то, чего не могла — заставила себя смочь,
превратила душу свою в бардак,
жизнь свою — окунула в пучину хаоса,
непонятно, как я жива и надолго останусь ли.

ма.
врачи отказываются лечить, алкоголь не спасает, даже если сме-
шивать с нейролептиками,
никто не знает, о чем со мной говорить и куда меня употреблять.
а я влюблена в Достоевского — педофила и эпилептика,

и все, что у меня есть, — смешение, амальгама, эклектика,
все, что у меня есть, ма,
нужно налить, добавить льда и смешать.

а потом выbleвывать все это в белый фаянсовый
и смыть.
и никогда больше не вспоминать.

а я живу, пережевывая старые раны и культивируя пагубные на-
клонности,
из всякой грязи делаю китч и моду —
мама, от меня остались одни слова, фотографии и условности,
и я бы все это отдала в обмен хоть на какую-нибудь свободу.

все, что меня спасает, заключается в паре граммов, в паре шоттов,
в паре объятий за длинную, длинную ночь,
мама, со мной говорят теперь только о потном и приторном, и по-
стоянно шепотом.
из меня выросла хуёвая хуёвая хуёвая дочь.
балбеска, наивная глупая бестолочь.

меня осталось теперь только потолочь, разбавить и бахнуть по вене
боговой, как укол, принесший с собой эвтаназию.
ма.

я везде не нужна, ни в одни их рамки не влазию.
я только ною и ною, плачу, кричу ночами,
до мяса сдираю ногти, колени, ладони,
меня чем только не лечили, кем только не причащали,
каким только пойлом не врачевали меня от моей печали,
каким только зельем не отучали меня от боли.

но у меня всегда имелся запасной путь, заначка на утро, заранее
купленный билетик в плацкорт до рая — туда я ползу, захлебыва-
ясь и рыдая,
туда я иду, когда силы совсем на исходе, туда — где каждый кто
проебал тут все — делается свободен.
туда, где никто не спрашивает имени и рецепта, где счастье исчис-
ляется в граммах и процентах.

прийти, протянуть пару сотен, произнести название прописанных
седативов.
чтобы забыть, что я когда-то кого-то еще любила.

что знает о боли мальчик, сидящий в собственной комнате
три месяца кряду, слушающий спертую тишину?
что знает о боли мальчик, в котором не умирали,
который оставил меня одну, совершенно тотально одну?

что знает о боли девочка, раскачивающаяся на стуле,
раскладывая по папкам свои приступы и атаки?
что знает о боли девочка, увидевшая вечность в душе,
увидевшая и пославшая ее на хер?

что ты знаешь о боли — настоящей, звериной и удушающей,
о боли сорвавшегося канатоходца?
что ты можешь об этом знать — ничего никогда не решающий?
ты только слышишь, как тишина над тобой смеётся.

и ей вторят все ушедшие за сигаретами и не вернувшиеся лжецы,
ей вторят умершие матери и бросившие отцы,
за ней повторяют твои ошибочные представления
о невыносимом мучении,
твои смутные воспоминания о потерянном приключении,
о залагавшем времени.

что ты знаешь о унижении — собранный, яркий, оснащенный по
последнему слову человеческого благоразумия?
что ты знаешь о подкрадывающемся безумии?
о бессоннице, о потерях, об острых лезвиях?
о тех, кого нет несчастнее и железнее?
о проржавевших днищах и тонущих кораблях,
что ты знаешь о самых любимых руках,
к которым не притронуться никогда,
потому что их больше не существует в этом слое реальности, в этой
жизни, в этом спектакле, где ты просто не позвонила вовремя на
номер, который каждый февраль повторяешь молитвой за упокой?

что ты знаешь о боли, кроме того, что она навсегда
с тобой?

“ЦИКЛ СТИХОВ ОБРАНТЫЙ ОТСЧЕТ”

7.

Марла Сингер, в платье за доллар,
смотрит в зеркало и ревет белугой,
Марла Сингер выжата, стерта, сломана,
нас с ней отняли друг у друга.
Марла Сингер бросает курить и спать,
Марла Сингер больше не просит о помощи.

“я больше не буду с тобой играть,
ты так похожа на корабль, у берега тонущий,
ты не выжила в этом побоище,
ты — чудовище”.

Марла Сингер ходит в солнцезащитных очках в помещении,
чтобы никто не увидел красных от недосыпа глаз,
и постоянно оправдывается и просит прощения
у тех,
кто её добил и совсем не спас.

Марла пишет мне: “я не могу так больше, не вывезу,
только не в этот раз”.

у меня самой не осталось ни сил, ни ненависти, ни
желания, я валяюсь в углу грудой совсем бесполезных
слов и смятых, пережеванных кем-то, созвучий.
если я игрок — то точно не самый везучий,
и каждый, кто получает моё “люблю” рад меня выжать,
сцедить, помучить,
кислотным дождем пролиться мне в рот из тучи.

А Марла Сингер, тем временем, тихо скулит и воет,
закусывая до крови костяшку пальца.

Марла, на этот раз нам точно придется сдаться.
Марла, мне кажется, мы мертвы.

только не ясно “наконец-то” или “увы”.

из шести миллиардов начавших падение только один проскочил отметку, обнулив силу притяжения, ободрав ладони, содрав колени,

и я уже было подумал, что это будет лучшим полетом, но солнечный зайчик мысли распластался об лобовое стекло падающего самолета.

что ты.

из шести миллиардов только один не поверил в границы и смог пробиться, "пролетая над гнездом кукушки, что видишь ты — маленького принца?"

я видел рассвет и как мгла расступалась, скукоживаясь, сминаясь. умножаем на ноль сострадание, таким образом обнулив жалость. многослойность и многогранность, двойное дно и чек за подкладкой старого чемодана,

история или драма,

мама,

я остался один среди вырванных сердцевин,

мама,

меня снова слишком и слишком мало.

из всей толпы жаждущей, из всей толпы пляшущей только один стоял в стороне, наблюдая это язычество,

второй точно такой же — летел, протаранив пространство насквозь, и

падал вверх, приняв падение за ученичество.

рассказывал свою историю отрывочно, построчно, сбивчиво.

время было непостоянной величиной,

брало качеством, не количеством.

один из шести миллиардов шагнувших, узнал, что только пролетев эту землю насквозь, как мечтала девочка Алиса Лидделл, можно вернуться домой.

а пока один летит или падает,

второй смотрит в экран и записывает,

третий подышает от любви к посредственной третьесортной актрисе тут

четвертый делает больно тем, кого любит,

и любит только тех, кому бывает больно от малого

пятый прижигает раны самой жгучей своей отравой,

шестой смотрит фильмы и не выходит за порог квартиры неделями и месяцами,
седьмой то ли жив то ли мертв — с суженными зрачками,
восьмому дано право нарушать ход вещей одним только словом неосторожным.
девятый — скомканный, замороженный —
а вообще их шесть миллиардов историй,
вернее — шесть миллиардов без одного.

помни: кто-то летит, кто-то падает,
решив, что самое глупое, во что можно верить, это
будто в конце бездны не небо,
а дно.

5.

интонационная импотенция.

кармическое уродство.

забег по ломаной линии, приз — место под солнцем.

а потом кто-нибудь обязательно не проснётся,

и она будет пятнадцать минут целовать его мертвого в рот и пытаться вызвать утреннюю эрекцию.

забег по ломаной линии, приз — путь к мертвому сердцу.

за пять минут до взрыва успеть раздеться.

сложить аккуратной стопочкой на прикроватной тумбочке
все свои слова и сомнения.

вытряхнуть из карманов одноразовую музыку и смысл жизни быстрого приготовления.

(залить кипятком и оставить в темноте до поры до времени)

забег по линии отрыва, до крутого обрыва, до холодной воды мелкой речушки Иня —

и так постоянно, путаясь в назначении ночи и дня,

путаясь в назначении правильного лекарства, верной горячей инъекции.

за пять минут до конца мира — успеть раздеться.

кармическое уродство.

интонационная импотенция.

после того как тебя выворачивает словами пять часов кряду без

смысла и заявок на истину —
голова становится горячей и легкой,
врачи не успевают записывать.
у тебя есть палата, окна с решетками, мир в полтора десятка квад-
ратных метров,
никаких вопросов и никаких ответов.

спринтерские забеги по кромке цветастых спектров.
миллионы дней, тысячи километров.

“никто из вас не смеет трогать мою каморку с воробьями”
мертвых целуешь в рот сладко, потными, приторными ночами.

(таймер срабатывает, ваша жизнь готова к употреблению.
приготовьте себя к атомарному расщеплению)

4.

доктор, разберите меня на составляющие, вычлените направляю-
щие, поменяйте местами, вычеркните ненужное,
замените во мне правдивое на обманчивое, истинное на ложное,
простое и удобоваримое на вязкое, ядовитое, очень сложное.

доктор.

сделайте невозможное.

доктор.

я состою из текста косым почерком на мятых листочках, я состою
из улыбок, точек, пробелов и проволочек, из узких улочек, утрен-
ней кровавой рвоты, из отказавших почек, из набора таблеток, что
не помещаются в пригоршню детских ладошек, во мне есть только
одинокость и надсадный кашель,

мне даже ад не страшен,

я ничего уже не называю “нашим”, ничего не ощущаю так полно,
чтобы присвоить и сделать значимым,

я — идиот, калейдоскопами одуроченный,

я растроченный, запуганный, замороченный,

вымоченный, хрипой и всклокоченный,

с меня как с наркотика — или умрут или соскочат, уже.

я оседаю взвесью, пылью, ороговевшим слоем, во мне все демоны
ходят строем, устраивают оргии, выдают рифмованные какофонии,
играют на моих оголенных жилах — целые струнные расстроены-

ные симфонии.

меня направляют боль и печаль, одиночество и звериная едкая злоба.

доктор, научите меня жить, научить умирать чтобы.

доктор.

это четвертый текст, последние секунды перед завершающим выстрелом, я с интересом рассматриваю мир сквозь пулевое ранение, и мне не дано — ни облегчения ни забвения, ни забытья, ни убежища — куда ни пойдешь, везде стрельбища, пепелища, пожарища, художественные руины, а я рисую по ним карты, не боясь пропасть или сгинуть.

я лучше вас всех владею наукой сдерживать крик и суицидальный порыв — душить на корню и преобразовывать в буквы, слова, созвучия.

доктор, ампутуйте то, что болит и мучает.
пусть это будет тем, что не дает закончиться.

я умею всё — от оргазма до одиночества.

я не умею только выдерживать иглоукалывание словами по всем болевым точкам.

доктор, анестезию мне.

пожалуйста.

очень срочно.

3.

и вот ты встаешь после расстрела, после смерти, после аборта по совету спившегося врача,

вот собираешь в горсть всех, кто тебя когда-либо огорчал,

и вот ты расправляешь плечи, стреляешь сигаретку у палача

и выводешь на крик тех, кто всегда молчал.

и все ждут от тебя жизнеутверждающих легенд и разрывных пуль в самую суть и плоть, а тебе наконец-то плевать, тебе наконец-то никого не предписано побороть.

сигарета горчит, ты медленно сходишь с заплеванного эшафота,

у тебя внутри закипает крик и бурлит словесная рвота,
с кончиков пальцев плавно стекает ртуть.
и никто не окликнул, никто, наконец-то, не попытался тебя вернуть.

однообразные монологи о тщетности и о том что "это никому в жизни не пригодится",
мол не за чем растрачиваться и нечем совсем гордиться,
закончилась игра в короля, королеву, шута и принца,
остался лишь пережеванный кусок чьих-то больных амбиций,
рассказ в четыре тетрадных страницы,
полтора месяца без опоры, балансируя на границе слов, на острие голоса.
поперечность, систематичность — черно-белые полосы.

и вот ты встаешь, собираешь себя по созвучиям и возможностям,
соскребаешь себя со стен, вычленяешь себя из лишнего, клянешь всякого — от последнего до всевышнего, от прохожего и случайно-го до родного, своего, ближнего.

и все ждут, все затаили дыхание, приготовили фотокамеры, а ты с пинка вышибаешь дверь своей одиночной камеры, вырубаете все датчики, радары и таймеры.
стираешь себя со всех гуглкарт и из всех блогояндексов одним только текстом о том, что всё наконец складывается удачно.

просто ты, без своих страданий, для них ничего не значишь.

2.

если в нас еще и останется волшебство,
то растратим его мы попусту — так сложилось,
я умела любить всех так, что летели искры, горели сроки,
а теперь грустны мы и одиноки,
оббиваем медиаторы и пороги —
там поставить печать,
тут прилепить бы роспись.
не квартира-однушка, а мрачный хоспис.
мы пришли сюда умирать.
изживать друг из друга живость,
болью едкой проверять этот мир на вшивость.

и у нас нет ни имени, ни приюта,
корабль тонет, а мы — каюта,
мы закрыты на три замка, поворот ключа,
и вода заставит нас заканчиваться и молчать.
затыкает нам рот словесными оборотами,
позволяя с собой унести хоть что-то, и
награждает нас молчанием, как отдушиной.
молчи и слушай, ты
глуп.
просто молчи и слушай.

если в нас останется хоть капля настоящего волшебства,
мы его раздарим тем, кто ни капельки не достоин —
кто бежал от вопросов, проблем и войн,
кто совсем не прекрасно и гармонично устроен.
но бог спокоен.

бог спокоен за нас, ведь мы —
сами стражи своей тюрьмы,
волонтеры своего мрачного хосписа,
ни ответов не надо нам,
ни вопросов, ведь
мы обречены на молчание и лед под сетчаткой глаза.

Бог нас вычислил сразу
и теперь изживает нас, как заразу,
выдавливает из-под кожи, как желтый гной.

иди вперед, свет мой
я следую за тобой.

1.

представь, что у тебя есть только
три сигареты, два трека и ночь, которую надо бы переждать.
представь, что у тебя остались лишь
шариковая ручка и измызганная тетрадь.
исписанный вдоль и поперек блокнот,
семь нот,
цейтнот,
головная боль,
недомогание,

игры в непонимание,
эти чертовы, накатывающие, депрессивные состояния

(реактивная депрессия, межсезонье, с лета на осень,
что там дальше, господи, наверное, что-то про просесть, просинь и
бросил,
похуй)

в тишине есть особое очарование,
представь, что тебе известны лишь очертания и ничего больше —
ты вытаскиваешь человека построчно
из забытья и затишья,
заведомо сочинив, что у вас ничего не вышло.
представь, что у тебя установлен лимит на слова и звуки,
что свет и вибрация идут через руки,
что в узких зрачках рождаются самые страшные муки —
что любой прием вещества заканчивается бэдтрипом,
представь, что ты к любой боли совсем привыкла
и ради забавы, раз в год, рассказываешь себе вслух, как крепко и
насовсем ты влипла.

представь.
ты только подумай,
что вся твоя жизнь — это расстояние от виска до дула,
это время пути пули из магазина в височную кость и далее —
представь, что ты проваливаешь задание,
имея все составляющие для выигрыша,
представь, что выжила, вывезла, выдюжила.
стоишь на руинах, подсчитываешь ранения,
попутно научив себя практически мертвенному смирению —
и тишина.
вокруг тишина и рассвет ударяет справа.

представь, что слова — отравы.
и говори.
говори захлеб.

0.6.

ни входов, ни выходов,
ни вдохов, ни выдохов.

нет, давай еще раз.
так.

это история пяти истерик и одного признания.
это история недописанных сообщений, трех срывов, одной попытки вскрыться под музыку Джима Моррисона.
это история о том, что от судьбы никуда не скроешься.
голову разрывают подробности и нюансы,
эта история могла мне попросту показаться.
рассказ о том, как учатся прикасаться к самой сути, как учатся выживать, вывозить, вымучивать.
история одного случая.

одного выхода в открытое, двустворчатое,
одной игры в животное одиночество,
одного шанса все переписать, забыть, переделать.

на мокром асфальте — след от тела.
слова, растраченные без дела,
слезы, от которых нутро теплело,
вселенной без тормоза и предела.

бог в любом отражении, благой поступок из жажды мщения,
пустые, пыльные помещения,
медикаменты, таблицы, графики, нулевые
отметки,
бесчувственные марионетки,
в фонтан монетки:

“господи, как надоело уже, отпусти, отпусти меня, я устала”

желания оказалось мало.
его не стало.